

ЧЕРНОМОРСКАЯ ЭПОПЕЯ

Это произошло в ночь на 25 февраля 1920 года. Тишину приморского города Туапсе внезапно вслушили стрекотание пулеметных очередей и треск ружейных выстрелов. Батальон крестьянского ополчения во главе с коммунистом Иваном Сафоновым ворвался в город с северной стороны и при поддержке других подразделений, вступивших в Туапсе с юга, разоружил местный гарнизон — офицерский полк и до пяти тысяч солдат денкинской армии.

На почте мы нашли телеграмму из Новороссийска на имя начальника обороны. В ней говорилось: «Держитесь, вам послано подкрепление морем!» Ночной переполюх помешал доставить телеграмму адресату.

— Надо немедленно идти в порт, — решил Сафонов. — С минуты на минуту туда начнут прибывать суда противника. Ни в коем случае нельзя допускать их к берегу.

И действительно, с рассветом в море показались корабли. На одной из возвышенностей располагалась береговая батарея, обслуживаемая прислугой белых. Сафонов приказал ей открыть огонь по десанту. Белые начали стрелять по своим. Корабли повернули и скрылись за горизонтом.

Прошло двадцать дней. Срок очень небольшой, но знаменательный. Знаменательный тем, что за это время на базе небольших отрядов крестьянского ополчения в Туапсе была создана Красная армия Черноморья, насчитывавшая до двенадцати тысяч птыков, более тридцати орудий и ста пулеметов.

Интересна предыстория этой армии. Уже к осени 1919 года на территории Черноморья действовало значительное количество разрозненных партизанских групп.

Появились они, как известно, в результате жесточайшего террора белогвардейщины, восторжествовавшей на Северном Кавказе после оставления его осенью 1918 года Северо-Кавказской Красной армией.

Враги Советской власти люто расправлялись с теми, кто был предан революции, шел за большевиками по светлomu пути, указанному Лениным. Палачи без суда и следствия расстреливали, вешали, казнили людей. Газета «Правда» от 15 октября 1918 года писала, что в Новороссийске находилось около восьми тысяч раненых красноармейцев. Белогвардейцы, ворвавшиеся в город, начали массовые репрессии. Чтобы «не нервировать» население выстрелами, они стали уничтожать раненых шомполами, прикладами и штыками, сваливали их в товарные вагоны, вывозили за город и зарывали.

Такие явления паблюдались повсюду, где властвовали силы контрреволюции. Генерал Покровский, например, овладев в сентябре 1918 года городом Майкопом, за два дня порубил и повесил около четырех тысяч ни в чем не повинных людей, среди которых было немало стариков, жениди и подростков. Кровавый генерал издал приказ: «Я твердо решил покончить с этим злом — «зеленой» армией. Я требую, чтобы «зеленой» армии на Кубани не было. Села и хутора, изобилующие большим числом дезертиров и «зеленоармейцев», будут уничтожены до основания».

Однако, несмотря на дикий разгул белой реакции, партизанское движение росло и крепло. Партизаны причиняли довольно значительные неприятности тылу денкинской армии. Так, весной 1919 года в селении Пластунки, Сочинского округа, партизаны разбили карательный отряд, состоявший из офицерской роты, батальона пехоты при двух орудиях и пулеметах. В этом бою был убит и командир карателей — полковник Чайковский.

Патриоты Волковского отряда Сочинского округа узнали, что карательный отряд будет проходить по мосту у деревни Волковки, и заранее заняли оборону. Как только денкиндцы взошли на мост, партизаны открыли по ним ружейный огонь и с криками «ура» ринулись в рукопашную. Каратели в панике бежали, потеряв немало убитых и раненых, пулемет «Максим» и много винтовок.

В марте 1919 года отважные партизаны совершили дерзкий налет на станцию Крымская. Они взорвали пути,

пустили под откос бронепоезд, разбили офицерский эшелон. Железнодорожное движение на некоторое время было прекращено.

В Новороссийском порту, во время разгрузки с английского парохода снарядов, патриоты взорвали склад с боеприпасами. Пожар перебросился на судно, где также произошел взрыв. Оно было выведено в море и потоплено.

В июле 1919 года по инициативе Новороссийского комитета РКП(б) была сделана попытка овладеть городом. Недостаточно тщательная подготовка не дала возможности успешно завершить операцию. Тем не менее действия противоденикинских сил внесли сильное смутение в лагерь врага.

Ворьба партизан, поддерживаемая населением Сочинского округа, вызвала крайнее беспокойство начальника экспедиционного отряда полковника Мышляевского. 16 декабря 1919 года он вынужден был срочно просить подкрепления артиллерией.

Всенародное сопротивление в тылу врага привлекало к себе внимание не только сторонников Советской власти, но и ее врагов, пытавшихся использовать силы трудящихся в своих интересах. Это, в частности, относится к реакционным группировкам Грузии.

В ту пору Тифлис был переполнен всякого рода сбродом, бежавшим от пролетарского правосудия: правыми и левыми эсерами, меньшевиками всех мастей, генералами, фабрикантами и крупными торговцами. Все они мечтали создать нечто вроде комитета «Спасения России».

Группе правых эсеров и меньшевиков во главе с бывшим председателем Уфимской директории сподвижником Керепского Самариным-Филипповским удалось войти в доверие к грузинскому меньшевистскому правительству, добиться разрешения на формирование воинских частей в районе Гагр, получить оружие и боеприпасы.

Эсеры созвали съезд крестьян Сочинского и частично Туапсинского районов, на котором и был избран Комитет освобождения Черноморья (КОЧ). Цель этого комитета, на первый взгляд, выражала интересы народа — изгнание деникинцев и создание демократической республики. На самом деле буржуазные прихвостни стремились использовать освободительное движение в своих корыстных целях.

В период этих событий подпольный Кавказский коми-

тет РКП(б) решил послать в Черноморье группу работников, состоявшую из бывших командиров Красной Армии, которые оказались на территории Грузии после интернирования их в конце 1918 года. Среди этих товарищей был и я. Наша задача состояла в том, чтобы, не противодействуя открыто на первых порах эсерам и меньшевикам, незаметно взять руководство повстанцами в свои руки и добиться соединения с Красной Армией.

Из Тифлиса выехали мы, посланцы подпольного Кавказского комитета РКП(б), не все вместе, и некоторые не знали друг друга ни по фамилиям, ни в лицо. Многих товарищей не знал и я.

В Поти мне пришлось сесть на небольшой пароход «Чорох», отходивший из порта почти последним. Моросил дождь, и я спустился в трюм. Вокруг бочки, на которой стоял фонарь «летучая мышь», сидели какие-то молодые люди. Говорили они между собой как-то странно.

«Что за люди? — подумал я. — Куда и зачем они едут? Возможно, с таким же заданием, как и я? А может быть, это белое офицерство пробирается из Грузии на территорию Добровольческой армии?»

На всякий случай решил сесть в сторонке и притвориться спящим, но усталость была настолько сильной, что я в самом деле уснул. Проснулся утром, когда «Чорох» причалил к сухумской пристани. Поднимаясь на палубу, я увидел одного из руководителей профсоюзной организации грузчиков Сухуми — большевика-подпольщика. Подоздоровались. Улыбнувшись, мой знакомый сказал:

— Вчера вечером ты здорово испортил нашим ребятам настроение.

— Каким ребятам? — недоуменно спросил я.

— Тем, что едут с тобой.

— Разве это наши ребята? — подчеркнул я слово «наши».

— Конечно. Казанский — коммунист. Ну, а тот, что с усиками, — Фавицкий. Правда, он беспартийный, но абсолютно свой. Понимаешь? Аб-со-лют-но.

— Мне они не понравились. Спрашивали, куда я еду. Какое их дело?

Мой приятель снова рассмеялся:

— И ты вызвал у них подозрение. Они только что спрашивали меня: «Как быть вон с тем «слухачом», которого наверняка посадили к нам?»

Озабоченности как не бывало.

— Черт побери! — произнес я, поняв наконец, что произошло.

— Кстати, ты очень многим рисковал. Томашевский — это высокий, плечистый парень — говорил, что хотел ночью выбросить тебя за борт. К счастью, ты не выходил на палубу.

— Неплохое начало...

Я познакомился со своими спутниками, и вскоре они привели с собой другого моего знакомого — Игоря Саблина. Игорь прибыл ко мне в Сухуми из Крыма с явкой от начальника политотдела 14-й армии. За ним шла слава на все готового революционера, хотя в самом облике его не было ничего героического. И. В. Саблин стал активным борцом за Советскую власть с первых дней Октября. Я был очень рад, что встретил его.

С помощью союза грузчиков мы заарендовали баржу, разместили на ней человек до ста пятидесяти бывших северо-кавказских красноармейцев, прибывших из разных мест Грузии в Сухуми, а теперь стремившихся принять участие в борьбе с денikinцами. Баржу пришвартовали к «Чороху», и поздно вечером пароход отошел в Гагры.

Утром мы прибыли в Гагры и разыскали штаб Комитета освобождения Черноморья. Находился он во дворце принца Ольденбургского. Комитетчики очень нуждались в командных кадрах, и мы сразу же получили назначение. Томашевский, считавшийся левым эсером и получивший в период империалистической войны офицерское звание есаула, был назначен начальником Главного штаба крестьянского ополчения. Е. С. Каванский и Скобелев утверждены командирами дружин, В. В. Фавицкий — начальником полевого штаба, я — командиром десантной группы. Командующим крестьянским ополчением был эсер полковник Воронович.

Мы не имели людей, кроме тех, что прибыли с нами из Сухуми, поэтому сами должны были укомплектовать подразделения из стекавшихся в нейтральную зону (между Гаграми и Адлером) партизан, дезертиров из денikinских частей, стоявших на границе по правому берегу реки Псоу. Работали мы энергично, не жалея сил, так как обстоятельства для подпольщиков сложились удачно. За восемь — десять дней укомплектовали три

дружины по сто двадцать штыков, два партизанских отряда и десантную группу. Всего набралось около пятисот тридцати человек и шесть пулеметов.

26 января 1920 года был издан оперативный приказ Главного штаба крестьянского ополчения, в котором отмечалось, что противник располагает частями 52-й отдельной бригады в составе шести батальонов, сотни казаков при четырех орудиях и двадцати пулеметах. Крестьянскому ополчению ставилась задача: на рассвете 28 января атаковать врага, сбить его части с позиций, занять переправы через реку Мзымту.

Приказ был выполнен блестяще. Партизаны налетели на предместное укрепление противника с тыла. Их поддержала 3-я дружина ополчения. Части левого фланга белых были разгромлены и обращены в бегство по всему фронту. Они потеряли всю артиллерию, шестнадцать пулеметов и около восьмисот человек пленными.

Эти события у Адлера произошли как раз в то время, когда дивизии Первой Конной армии С. М. Буденного форсировали реку Маныч. Растерявшиеся военачальники белых донесли в ставку Деникина, что грузинские части перешли в наступление. В связи с этим Деникин приказал прервать всякие сношения с Груаией и незамедлительно открыть военные действия.

Мы тогда еще не знали, что значительные отряды партизан, действовавшие в районе Новороссийска, 21 января внезапным налетом овладели Геленджиком и, захватив трофеи, скрылись. Несколько днями раньше в районе Кабардинки один из отрядов этой армии напал на охрану, сопровождавшую из Геленджика в Новороссийск семьсот мобилизованных жителей Геленджикского района. Конвой разбежался. Большая часть мобилизованных перешла к партизанам.

Преследуя отступающего в беспорядке противника, части крестьянского ополчения, пополненные местными партизанами и пленными денikinскими солдатами, 2 февраля овладели Сочи. Я был назначен военным комендантом города. К 12 февраля наши войска дошли до реки Шахе и закрепились на ее левом берегу, у села Головинка.

Успехи крестьянского ополчения были огромны. Это укрепляло боевой дух участников освободительного движения, укрепляло авторитет подпольщиков, находившихся

ся по рекомендации партии на руководящих постах в ополчении.

Газета «Известия ВЦИК» от 3 марта 1920 года опубликовала полученную окольным путем сводку Главного штаба крестьянского ополчения. В ней говорилось, что с 28 января по 13 февраля нами было захвачено у деникинцев восемь орудий, тридцать три пулемета, около двух тысяч винтовок, более миллиона патронов, две тысячи двести пленных, в том числе сто офицеров, большое количество обмундирования и обозы двух полков и армянского батальона. Потери в крестьянском ополчении невелики — пятнадцать убитых и тридцать пять раненых.

Вскоре на одном из заседаний Комитета освобождения Черноморья командующий Воронович доложил, что дисциплина в армии падает, в частях ведется большевистская агитация, а некоторые командиры начали проявлять анархистские наклонности. Это, конечно, была работа подпольщиков, наша работа. Воронович внес предложение назначить в армии комиссара, вменив ему в обязанность проведение мероприятий воспитательного порядка. На эту должность назначили меня. Таким образом, мне пришлось включиться не только в кипучую боевую деятельность, но и проявлять себя на «дипломатическом» поприще.

Несколькими днями раньше Комитет учредил революционно-следственную комиссию, председателем которой был назначен И. В. Саблин. Позиции посланцев Кавказского подпольного комитета РКП(б) становились все прочнее.

Представители английского командования генералы Клиз и Коттон неоднократно приезжали в Комитет освобождения Черноморья и вели переговоры о необходимости примирения с Деникиным. Однако никаких результатов они не добились. А тем временем армия крестьянского ополчения постепенно выходила из подчинения КОЧ. Тогда английское командование решило обратиться непосредственно к руководству фронта. 22 февраля к одному из наших боевых участков подошел парламентер генерала Коттона с белым флагом и передал следующий документ:

«Ввиду того, что на Юге России образовалось республиканское правительство, объединяющее собой Дон,

Кубань и Терек, республиканскому Комитету освобождения представляется право уладить все вопросы дипломатическим путем. Предлагаю начальнику главного отряда войск Комитета освобождения не обстреливать портов Черноморского побережья, в противном случае английское правительство будет рассматривать это как акт выступления против Англии».

Это было очень серьезное требование. Выполнить его — значит предать интересы трудящихся, интересы Советской власти. Взвесив обстоятельства, я, как политический комиссар крестьянского ополчения, ответил Коттону письменно:

«Генералу известно, что у армии есть свое правительство, приказание и просьбы коего армия исполняет. Это правительство находится в городе Сочи, куда и благоволите обратиться. Что же касается портов, то Англия на них никакого права не имеет, а раз там находятся «добровольцы», мы будем выгонять их оттуда силой оружия».

Руководители КОЧ были заняты в это время съездом, проходившим в Сочи. Воспользовавшись этим, мы решили срочно овладеть городом Туапсе, чтобы не дать возможности интервентам подтянуть из Новороссийска военно-морские силы.

По сведениям нашей разведки, противник располагал двумя пехотными и офицерским полками, значительным количеством орудий и пулеметов. Мы имели две тысячи пятьсот штыков, орудия и пулеметы. Хотя, как айдим, белогвардейцы обладали преимуществом в живой силе, общая обстановка складывалась в нашу пользу. Важное значение здесь имели предыдущие победы ополчения и тот факт, что многие крестьяне воевали на своей земле, изгоняя из ее пределов захватчиков.

Мы понимали, что вести открытую агитацию среди бойцов за быстрее восстановление Советской власти было нельзя: Грузинское правительство в любой момент могло пустить в дело регулярные части своей армии, стоявшие на границе Сочиного округа, и создать в нашем тылу новый фронт. Следовательно, нужно было продолжать выполнение директивы Кавказского комитета партии — всеми средствами способствовать борьбе против Добровольческой армии, добиваться изгнания ее с территории Черноморья, овладеть портами Туапсе и

Новороссийск. Такой лозунг удовлетворял даже тех, кто охотно шел драться против деникинцев и вместе с тем оглядывался на КОЧ.

Наша задача облегчалась тем, что в рядах крестьянского ополчения находилось немало коммунистов. Эти товарищи в 1918 году были бойцами Северо-Кавказской армии. Попав по тем или иным причинам в Грузию, они прошли суровую школу борьбы, хорошо знали цели и задачи, поставленные ЦК РКП(б) по борьбе народных масс в тылу врага.

Итак, командование фронта, вопреки желаниям Комитета освобождения Черноморья, решило занять Туапсе. С этой целью мы послали горами, в глубокий обход, батальон под командой коммуниста Сафонова. В нем насчитывалось шестьсот штыков, однако на пути следования к нему присоединился ряд партизанских отрядов Туапсинского района. Значительно пополнившийся батальон вышел на железную дорогу Армавир—Туапсе у станции Георгиевская и в ночь на 25 февраля с севера внезапно ворвался в Туапсе. Одновременно с фронта по противнику ударили два других батальона.

Белые сопротивлялись весьма упорно. Достаточно сказать, что на двухкилометровом участке между городом и станцией Сортировочная они сосредоточили огонь нескольких десятков пулеметов. Здесь смертью храбрых пали командир батальона имени Карла Маркса товарищ Михлин и значительное количество его бойцов.

И все же ополченцы одержали победу. Особенно сильным был удар с тыла. В результате этого боя мы захватили огромные трофеи: взяли в плен до пяти тысяч рядовых и семьсот офицеров, пятнадцать орудий, до ста пулеметов, много тысяч винтовок, до полутора миллионов патронов, вагоны со снарядами, значительное количество обмундирования, обуви, продовольствия, два госпиталя, много подвижного состава, автомобилей, в казначействе — тридцать три миллиона денег, в порту — пароходы, шаланды, катера, баржи, шхуны, запасы бензина, керосина и масел...

Меня назначили военным комендантом Туапсе. Все гражданские и военные власти города подчинялись мне. Вышедшие из подполья партийные и профсоюзные работники активно включились в наведение порядка. Военские части пополнялись за счет пленных. Целую неде-

лю мы считали трофеи, состоявшие преимущественно из английского вооружения, снаряжения и обмундирования.

Англия, как известно, вовсе не собиралась снабжать большевиков оружием и теперь опасалась за свои новороссийские склады. Через несколько дней в Туапсе прибыл английский крейсер. На нем приехали представитель британского правительства при Добровольческой армии генерал Киз и делегация Дона, Кубани и Терека, возглавляемая товарищем председателем Верховного круга Дона и министром торговли контрреволюционного южнорусского правительства Леонтовичем.

Едва сойдя на берег, генерал Киз попытался взять повелительный тон:

— Я представитель английского командования при Добровольческой армии...

— Что вам угодно? — спросил его по-английски В. В. Фавицкий.

Генерал даже вздрогнул, услышав английскую фразу из уст командира повстанцев. Кизу и в голову не приходило, что перед ним стоит бывший офицер, получивший звание штабс-капитана в период империалистической войны.

— Прошу отдать приказание о прекращении наступления против Добровольческой армии. В противном случае наше правительство будет рассматривать дальнейшее движение войск Комитета освобождения как враждебный акт против Англии.

— Мы воюем не с Англией, а с Добровольческой армией Деникина, — возразил Фавицкий.

— Я только что был в Сочи, и руководители комитета приказывают прекратить наступление.

Действительно, Киз в этот день был в Сочи и вел переговоры с председателем КОЧ Самариным-Филипповским. Об этих переговорах несколькими днями позже было сообщено в сухумской газете «Наше слово».

Мы переглянулись.

— В военной практике я впервые слышу, — спокойно сказал Фавицкий, — чтобы приказание вышестоящей военной инстанции передавались подчиненным через постороннего человека.

— Комитет, очевидно, не в курсе последних обстоятельств, сложившихся на фронте, — добавил я.

Генерал смотрел на нас, как на марсиан. Очевидно,

ему говорили о руководителях повстанцев такое, что отнюдь не совпадало с нашей изысканностью и дипломатической обходительностью.

— У меня на борту имеется несколько гражданских лиц, — сказал наконец Киз, понимая, что переговоры идут впустую. — По английским законам гражданские лица не могут на ночь оставаться на военном судне. Я прошу разрешить спустить их на берег.

Эти «гражданские лица» были, несомненно, разведчики, которых он хотел подкинуть нам столь грубым способом. Они стояли в стороне и прислушивались к нашему разговору.

— Что делать, генерал? — возразил Фавдцкий. — По нашим военным законам гражданские лица из вражеского лагеря ни в коем случае не могут быть допущены в район прифронтовой полосы.

Киз пожал плечами:

— Ваши руководители в Сочи держатся другой точки зрения...

Мы лишь догадывались о скрытом смысле этой фразы. Подробности выяснились позже.

Дело в том, что Воронович, выехав самовольно в Гагры для свидания с грузинским министром внутренних дел Нсем Рамишвили, встретился там с Кизом. Генерал предложил Вороновичу выехать с ним в ставку Деникина, обещал свое посредничество в переговорах. Воронович дал согласие, но просил заехать за ним в Сочи. Однако в силу якобы неблагоприятной погоды крейсер не остановился в Сочи и проследовал в Новороссийск...

Генерал преднамеренно подчеркнул, что Новороссийск укреплен очень хорошо и взять его труднее, чем Туапсе. В ответ на это мы попросили Киза передать Деникину, чтобы он уходил подобра-поздорову из Новороссийска. Генерал сделал гримасу и сказал сквозь зубы:

— Смотрите, как бы генерал Деникин не встретил вас так же нелюбезно, как вы встретили в Туапсе наш крейсер.

Киз намекал на тот крейсер, который 24 февраля сопровождал корабли с подкреплением, был обстрелян орудиями береговой обороны и получил несколько пробоин.

Больше нам не о чем было разговаривать, и делегация покинула берег Туапсе. Это был последний визит англичан к черноморским повстанцам.

Через два дня из-под Новороссийска к нам прибыли члены Реввоенсовета партизанской армии Цимбалист и Фадеев. Армия эта возникла в конце осени 1919 года из разрозненных партизанских отрядов, действовавших в районе Новороссийск, Геленджик. Она была создана по инициативе Довбуро и Ростово-Нахпчеванского комитета РКП (б). Командовал ею Моренец.

Прибывшие товарищи предложили нам, руководителям армии крестьянского ополчения, слиться с армией партизан и в ближайшее время ликвидировать Комитет освобождения Черноморья.

Вслед за тем в Туапсе прибыли: из Тифлиса — представитель политотдела 8-й армии Л. В. Ивницкий, из Сочи — уполномоченный Реввоенсовета Республики П. П. Соркин. Оба они в 1918 году были руководителями партийными и советскими работниками на Кубани. Ивницкий в качестве комиссара Таманской армии вместе с войсками прошел тяжелый путь от Ставрополя через астраханские пески до Астрахани.

7 марта 1920 года мы собрались на чрезвычайное совещание ответственных партийных работников Черноморской губернии и решили взять власть над армией и организовать Реввоенсовет в составе Ивницкого, Соркина, Шевцова и Цимбалиста. Командармом стал Е. С. Казанский, штабс-капитан старой армии. В 1918 году его приняли в партию и назначили начальником школы красных командиров.

Перед нами встал вопрос о том, как поступить с Комитетом освобождения Черноморья. Казалось бы, проще всего ликвидировать его и восстановить Советскую власть. Но это могло вызвать вмешательство грузинских войск и недовольство части крестьянства Сочинского округа, которое хотя и охотно дралось против деникинской реакции, но все-таки оглядывалось на КОЧ, обещавший создать демократическую республику.

Учтя эти обстоятельства, Реввоенсовет Красной армии Черноморья вызвал из Сочи основных руководителей КОЧ и предложил им принять следующие условия:

1. Считать территорию Черноморской губернии неотъемлемой частью Советской республики.
2. Признать власть Советов.
3. Признать Совет народных комиссаров единым правительством России.

4. Согласиться на то, чтобы во главе действующей армии стал Реввоенсовет, состоящий исключительно из коммунистов.

5. Подчинить территорию по Лазаревку включительно по Реввоенсовету.

6. Признать целесообразным избрать Советы на местах на основе Конституции РСФСР и не позднее 15 апреля 1920 года созвать губернский съезд Советов.

Подписывая этот документ, уничтожающий все надежды Комитета освобождения Черноморья, Самарин-Филипповский потерял бородку и пробормотал:

— Нельзя же нас оставлять совсем без оружия...

— За этим дело не стаплет, — заверил его Ивницкий. — Мы дадим вам несколько винтовок и даже пулемет, да и деньжонок подкинем.

Каждое слово Ивницкого и Соркина звучало с такой уверенностью и властной силой, что Самарин-Филипповский терялся: он никогда не видел подобного напора и убежденности. Председатель Реввоенсовета армии П. П. Соркин, в прошлом сельский учитель, несмотря на присутствующий ему юмор, умел в нужный момент принимать суровый облик.

На этом закончилось наше последнее совместное совещание. Мы знали, что представители комитета, взяв обязательство не вмешиваться в дела армии и не проводить враждебной агитации, все же втихомолку вели подрывную работу, но безуспешно.

11 марта 1920 года состоялся съезд представителей всех наших воинских частей. Съезд утвердил решение о Красной армии Черноморья, о создании Реввоенсовета. В его резолюции выражалась уверенность в том, что «Реввоенсовет установит в рядах войск железную дисциплину, не допустит там провокаторов и грабителей, наладит хозяйственный аппарат и приведет борьбу с контрреволюцией к желанному победоносному концу и соединению Красной армии Черноморья с Красной Армией РСФСР».

В этот же день Реввоенсовет издал приказ о должностных назначениях. Начальником штаба армии стал В. В. Фавицкий, начальником особого отдела — И. В. Саблин. Руководство политотделом было возложено на меня и Цимбалюка. Л. В. Ивницкий принялся за

создание хозяйственного аппарата армии и строительство Советской власти в Туапсе.

В каждой воинской части помимо командира был и политкомиссар. Без его подписи не отдавалось ни одного распоряжения. Была издана инструкция, в которой определялись задачи и обязанности политкомиссаров.

Надо сказать, что комиссары проводили огромную работу. И не только политико-воспитательную, но и организационную. Они были представителями партии Ленина в армии, полпредами революции и Советской власти. Особым авторитетом пользовались у нас Петр Соркин и Лука Ивницкий. Они поставили перед нами задачи сегодняшнего дня и ознакомили с завтрашними перспективами, сделали все, чего мы не успели сделать в спешке непрерывных наступательных боев. С приездом Ивницкого и Соркина многое изменилось, и каждый из нас по-новому осознавал теперь пройденный путь, яснее представлял задачи, стоящие перед нами.

Неоценимую помощь во всей практической работе по ликвидации элементов партизанщины и созданию кадровой армии с железной воинской дисциплиной и образцовым порядком оказывали нам указания Владимира Ильича Ленина — стратега революции, организатора Красной Армии, вдохновителя всенародной борьбы с внутренними и внешними вражескими силами. Это было очень нелегко — создавать боеспособную армию из разрозненных партизанских отрядов и пленных, но партия учила нас преодолевать трудности, решать эти вопросы в ходе боевых операций.

Политические работники и коммунисты рассказывали бойцам о содержании Программы партии, о законах классовой борьбы, о сущности Советской власти, о положении в тылу и на фронтах страны.

У нас издавалась газета «Фронтвик», редактором которой был член бюро Туапсинского окружкома РКП(б) М. Пратусевич, тогда совсем еще молодой человек, ему едва ли было двадцать четыре года. Газетный опыт Пратусевича исчерпывался редактированием трех номеров ежемесячного студенческого журнала «Звено», закрытого царской цензурой.

Материалы фронтовой газеты волновали бойцов непосредственностью, конкретной постановкой практических задач. Некоторые статьи по форме не отличались от

приказов. Больше того, в одном из номеров «Фронтвика» вместо передовой был опубликован «Приказ № 20 по Туапсе-Прасковьевскому боеучастку, 1 апреля 1920 года:

«Товарищи бойцы 3-го и 4-го батальонов, настал радостный момент соединения северной Красной Армии с нами, с восставшей армией крестьян и рабочих Черноморского побережья.

Этот момент говорит о нашей победе над реакцией генералов и помещиков, свивших свое гнездо на Северном Кавказе. Этот момент говорит, что наступает час, когда вся Россия объединится под единой властью Советов.

Грозный час миновал для нас. Мы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть реакции, одержали двойную победу: отняли у наших врагов оружие, вооружили наши села и изгнали засильщиков и грабителей из городов побережья.

Только сильные духом, крепкие волей могли совершить те подвиги, которыми полна наша борьба от начала до конца. История мирового освобождения пролетариата не забудет этих подвигов.

Дорогие товарищи! Наша сила вливается в великую силу пролетариата России. Вступим же такими же сильными и грозными в ряды северных товарищей.

Комбоеучастка Павленко
Политком Назаров».

Решением Реввоенсовета мы отменили выборность командиров во всех частях и подразделениях, а всему командному и политическому составу вменили в повседневную обязанность проводить решительную борьбу за установление твердой воинской дисциплины.

Красная армия Черноморья день ото дня становилась все более стойкой, боеспособной и наносила удары по врагу, оказывая огромную помощь Красной Армии в разгроме деникинских войск.

15 марта 1920 года после упорного шестичасового боя мы овладели городом Геленджик. Превосходство в живой силе и технике не помогло врагу. Наши бойцы, движимые благородной освободительной целью, дрались самоотверженно, проявляя чудеса героизма.

После замечательной геленджикской победы Примор-

ский отряд под командой Моренца преследовал противника до Новороссийска и, достигнув района цементных заводов, закрепил свои позиции.

Как известно, деникинские генералы бросали на подавление освободительного движения целые полки. Кое-где им это удавалось, но едва они собирались торжествовать победу, как снова поднималась тревога: красные идут в атаку! Это и понятно: Деникин пытался сражаться с целым народом, возглавляемым Коммунистической партией, которая умела видеть то, чего не могли видеть царские генералы, и хорошо знала, за что борется.

17 марта после короткого боя части 9-й армии овладели Екатеринодаром. Главные силы противника отошли за Кубань и взяли направление на Новороссийск. На правом фланге Донской армии, в районе Усть-Лабинской, располагались разрозненные части Кубанской армии, не имевшие связи ни с Донской армией, ни со своим главным командованием.

Контратаки, предпринятые Донской армией, оказались неудачными. Начался общий отход ее частей и корпуса Добровольческой армии на Новороссийск. Войска Шкуро и Кубанской армии отступали на Белореченскую, Майкоп, Туапсе.

19 марта части Первой Конной армии переправились через Кубань у станицы Усть-Лабинской. Именно перед этим событием Реввоенсовет создал два фронта: Приморский, командующим которым был назначен Моренца, и Северный под командой Черникова.

К сожалению, мы не имели представления о событиях, происходивших на фронтах Кубани. Все наши устремления были направлены на то, чтобы занять Новороссийск и отрезать пути отступления деникинской армии к Новороссийску. Едва ли кто-нибудь из нас отдавал себе отчет в том, что через несколько дней армии Кавказского фронта подойдут с севера, возьмут Новороссийск и тогда порт Туапсе получит для белых особое значение.

Мы были увлечены только одним — как можно быстрее наступать, не давая противнику окомиться, поэтому не предполагали, что в направлении Майкоп, Туапсе встретимся со столь значительными силами белых, отступавшими под натиском Первой Конной армии.

Сейчас, более сорока пяти лет после мигнувших событий, ясно, что Реввоенсовет Красной армии Черно-

морья допустил ошибку, послав на Кубань три батальона и оставив незащищенным естественный рубеж на Гойтхском перевале. Можно было бы отправить на Кубань с чисто пропагандистской целью один батальон, закрепить оборону на перевале, обеспечив их имеющимися в Туапсе боевыми средствами.

Командарм Казанский и начальник штаба Фавицкий именно такие соображения и высказывали, но большинство членов Реввоенсовета считало, что трем батальонам быстрее удастся объединить колеблющиеся элементы кубанского казачества, разложить тыл противника и тем самым оказать Красной Армии максимум помощи в разгроме врага.

Вместе с отрядом Реввоенсовет армии послал на Кубань и меня. 18 марта без особого сопротивления белых мы заняли Хадьженскую. Оттуда два батальона под командой Черникова двинулись вдоль железной дороги к Белореченской, один батальон ушел по шоссе к Апшеронской, а я с небольшим кавалерийским отрядом направился на нефтяные промыслы. Моя задача состояла в том, чтобы информировать рабочих о происходящих событиях и попросить их во что бы то ни стало сохранить нефтяные промыслы.

Рабочие исключительно тепло встретили представителей повстанцев и приняли самое живейшее участие в оказании помощи Красной армии Черноморья в борьбе с депикинщиной. Выполнив свою задачу, я отправился с товарищами в Апшеронскую. Прибыв туда 20 марта, мы неожиданно для себя оказались в центре исключительных событий.

Мне сообщили, что атаман майкопского отдела генерал Данилов по поручению командования казачьей армии и Кубанской краевой рады уже дважды звонил по телефону в Апшеронскую и просил к телефону кого-либо из старших военачальников партизан. Я никак не мог понять, что заставило генерала проявить такую заинтересованность к повстанцам, и решил вызвать к телефону Майкоп. К аппарату подошел адъютант атамана, а затем и сам Данилов. Назвав себя, я спросил, что угодно генералу.

— Вы тот самый Шевцов, который был в Туапсе и издавал приказы?

— Тот самый, — подтвердил я.

— Мы хотели бы встретиться с вами и переговорить по ряду вопросов, — сказал атаман.

— Вы — генерал, а я — красный командир. О чем же нам говорить? Очевидно, кто-нибудь из нас должен уступить дорогу, — ответил я.

— Помните, это не только мое желание, но и желание Кубанской рады. Я предложил бы место нашей встречи — станцию Суходольскую. Это в сорока верстах по шоссе от Майкопа. Мы вышлем за вас заложников. Согласны?

Я сказал, что не возражаю выехать даже в Майкоп, но в переговорах должны обязательно участвовать представители рабочих. Данилову ничего не оставалось делать, как согласиться.

20 марта на станцию Суходольская прибыли два члена Кубанской рады. Они сели в мою тачанку и уехали в Апшеронскую в качестве заложников, а я с политработником Подгорецким в экипаже белых отправился под конвоем в Майкоп.

Город был забит войсками Кубанской казачьей армии, отступающей под натиском конармейцев С. М. Буденного. Здесь же находилось большинство членов Кубанской рады. Они знали, что еще в 20-х числах февраля КОЧ обращался к ним с предложением вступить в переговоры об объединении Черноморья, Кубани и Дона в демократическую федерацию при условии полного разрыва Кубанской рады с Деникиным. Но им не было известно, что с 11 марта существует Красная армия Черноморья во главе с Реввоенсоветом, что мы поставили перед собой задачу способствовать уничтожению Добровольческой армии и соединиться с Красной Армией РСФСР.

Командование Кубанской армии и члены рады полагали, что им легко будет договориться с представителями эсеровского Комитета освобождения Черноморья в лице руководителей повстанцев о беспрепятственном отступлении к Туапсе. Оттуда они мечтали или эвакуироваться в Крым, или договориться с грузинскими меньшевиками об интернировании в Грузию. Однако им пришлось разочароваться. Я рассказал им о фактах реальной обстановки и предложил сложить оружие.

Белые согласились. Они решили сдать Майкоп представителям Красной армии Черноморья и отступить к Туапсе. Часа в 4 утра через адъютанта атамана я полу-

чил следующий документ: «Ввиду того, что вы гарантируете жизнь семьям офицеров и всем гражданам, мы оставляем город без боя, а посему прошу принять меры к водворению порядка и принять город. Генерал Данилов».

Это была бескровная, по большая победа. Мы немедленно освободили из майкопской тюрьмы около двухсот политзаключенных, из которых создали комендаптскую команду и организовали ревком. Его председателем был назначен В. И. Ефимов, членами — С. В. Расторгуев, Г. Серебряков и А. Юров.

В тот же день в районе станицы Григорьевской командиру батальона Лазебному сдалась часть донского корпуса в составе тысяча пятьсот сабель при пятнадцати орудиях и тридцати шести пулеметах.

Утро застало меня за письменным столом генерала Данилова. Сам атаман, его адъютант и члены рады бесследно исчезли. Поскольку город оказался в наших руках, надо было наводить порядок. Я начал писать приказ повстанцам станицы Тульской о том, чтобы они срочно прибыли в Майкоп. Вдруг открылась дверь кабинета и на пороге показались два белогвардейских офицера.

— Нам сообщили, что здесь комиссар, — сказал один из них.

— В чем дело?

— Я командир пластунского батальона. Хочу остаться в городе.

— Хорошее начало. Приводите своих людей сюда, — приказал я, не веря, что это будет выполнено.

— Господа офицеры, — вмешался А. Р. Подгорецкий. — Снимите погоны, чтобы не было недоразумения, поскольку в город вступают наши части.

Те молча сорвали погоны и бросили их в сторону. Через полчаса перед балконом здания выстроились пластуны. Я обратился к ним с краткой речью, и казаки начали складывать сружия на тротуар.

Мне удалось связаться с Хадзыженской и передать, что белые сдали Майкоп и многотысячной колонной отступили по шоссе и железной дороге на Туапсе. Узнав об этом, командарм Казанский приказал завалить три тоннеля, разобрать железнодорожные пути, взорвать мосты на шоссе. От Черникова, находившегося с двумя батальонами под Белореченской, он потребовал срочно по-

грузить в эшелон бойцов, отступить к Гойтхскому перевалу и занять оборону.

У Хадзыженской белые обстреляли эшелон Черникова. В результате крушения началась паника. Однако командиру удалось собрать около шестисот бойцов и уйти к Гойтхскому перевалу. Туда же из Туапсе был выслан наспех сформированный отряд коммунистов и рабочих. Однако сдержать натиск многотысячной армии белых не удалось, и командование Красной армии Черноморья вынуждено было отдать приказ отступить к Небугу и эвакуировать Туапсе.

27 марта 1920 года в Новороссийск, последний оплот деникинщины, с севера вошли части 8-й и 9-й армий, а с юго-запада — части кашей армии.

Мы с честью выполнили задание партии по организации партизанской войны в тылу Деникина, и 31 марта 1920 года по указанию командования Кавказского фронта Красная армия Черноморья была расформирована. Ее части влились в состав 22, 50 и 34-й дивизий 9-й армии, которой командовал И. П. Уборевич.

За боевые заслуги перед Родиной многие наши бойцы и командиры были награждены. В числе других орден Красного Знамени получили Казанский, Моренец, пулеметчик Дмитриев и я.

В 1935 году бывший секретарь Кавказского краевого комитета партии Амаяк Маркарович Назаретян писал: «Необходимо отметить, что намеченный Закрайкомом план, правильное проведение его линии посланной группой товарищей целиком оправданы результатами черноморской эпопеи».